Звягинцев. Е. А. Провокаторы и подстрекатели.

Е. А. Звягинцевъ.

ПРОВОКАТОРЫ и ПОДСТРЕКАТЕЛИ.

МОСКВА. — 1917.

ТИПОГРАФІЯ Т-ва „ЗАДРУГА",
Москва, Воздвиженка, Крестовоздви-
женскій пер., д. 9. Телефонъ 5-87-02.

1. Подвели подъ судъ.

Въ концѣ 1894 года полицейскому приставу 2-ой части города Саратова удалось раскрыть преступленіе: онъ открылъ фабрику фальшивыхъ серебряныхъ монетъ.

Въ присутствіи понятыхъ была обыскана одна частная квартира. Въ ней найдены различныя принадлежности и инструменты для подделыванія двугривенныхъ; гипсовыя формы, желѣзныя пластинки, щипцы, подпилки, накатка, куски металлическаго сплава, чугунная наковальня и проч.

Всѣ эти вещественныя доказательства были отобраны. Арестованы были также и сами хозяева преступной мастерской, по фамиліи Рѣдькины. Имъ грозило строгое наказаніе, такъ какъ законъ сурово караетъ фальшивомонетчиковъ. Еще до суда они просидѣли въ предварительномъ заключеніи болѣе года—15 мѣсяцевъ. Кто зналъ Рѣдькиныхъ раньше, тѣ качали головой и удивлялись. Иные жалѣли. Кто не зналъ, тотъ негодовалъ и бранилъ.

Но судъ—судъ присяжныхъ—оправдалъ обвиняемыхъ. Какъ же могли обѣлить фальшивомонетчиковъ? Или открылось что новое? Да, открылось, и вотъ что.

Оказывается, Рѣдькинъ честно и мирно работалъ въ слесарной мастерской Кушпера, пока съ нимъ не стряслась бѣда.

Съ нимъ познакомились полицейскій сыщикъ Качуринъ и околоточный надзиратель Нарышкинъ (переодѣтый). Они оба притворно подружились съ Рѣдькинымъ, стали водить его по трактирамъ и уговорили его взяться за поддѣлку денегъ. Они обставили ему квартиру, снабдили инструментами и убѣдили его въ безопасности затѣяннаго дѣла. Средства на все обзаведеніе Качурину и Нарышкину давалъ... полицейскій приставъ.

Когда же мастерская была налажена, и изъ нея стали выпускаться двугривенные, самъ же приставъ съ надзирателемъ Нарышкинымъ „накрыли" поддѣлывателей.

Они разсчитывали на этомъ выслужиться. Они хотѣли, соблазнивъ и подведя подъ судъ Рѣдькиныхъ, отличиться передъ начальствомъ и выгадать по службѣ. Таковъ былъ ихъ жестокій и низкій замыселъ. И если бы присяжные не разглядѣли этого замысла, несчастные Рѣдькины понесли бы тяжкую кару, а полицейскимъ крючкамъ досталась бы награда.

Всякій честный человѣкъ съ омерзѣніемъ отнесется къ поведенію, на какое оказались способны саратовскіе полицейскій приставъ и околоточный надзиратель. Ничѣмъ нельзя оправдать подобной подцѣлки преступленія, подобнаго подстрекательства слабаго человѣка къ обману и уголовщинѣ.

Мы не знаемъ, часто-ли устраивались полиціей такіе подвохи въ уголовныхъ дѣлахъ—по части кражъ, хищеній и мошенничества. Но подстрекательство къ политическимъ „преступленіямъ“, вотъ уже много лѣтъ, у насъ въ большомъ ходу. Занимались этимъ *провокаторы.*

Провокація состоитъ въ томъ, что агенты и пособники стараго порядка вызывали или ускоряли политическое „преступленіе“, ловко его подстраивали и раздували. Въ разставленныя полицейскія тенета попадало не мало человѣческихъ жертвъ. Полицейскіе чины выслуживались, агенты кормились, а обманутые люди страдали или даже вовсе погибали.

Посмотримъ поближе, какъ въ разное время провокаторы достигали своей темной цѣли.

2. Іудины поцѣлуи.

Самымъ обычнымъ пріемомъ у провокаторовъ былъ слѣдующій способъ: проникнуть въ какое-нибудь недозволенное политическое общество, прикинуться человѣкомъ сочувствующимъ этому обществу, выбѣдать его планы, высмотрѣть его участниковъ, а потомъ все донести полиціи. За этимъ предательствомъ, конечно, слѣдовали полицейскіе обыски, аресты, расправы и наказаніе для членовъ раскрытаго общества. Общество распадалось. Провокаторы и полиція получали награду, а старые негодные полицейскіе порядки оставались въ полной силѣ. Приведемъ примѣры.

Около сто лѣтъ назадъ на югѣ Россіи (въ Подольской и сосѣднихъ губерніяхъ) въ средѣ образованныхъ офицеровъ возникло „Южное тайное общество“. Цѣлью этого общества было поставлено

освобожденіе крестьянъ отъ помѣщичьей власти (вѣдь, это было при крѣпостномъ правѣ), гражданская свобода всѣхъ русскихъ людей, перемѣна образа правленія въ государствѣ и, вообще, улучшенія въ общественной жизни Россіи. Цѣли себѣ это общество ставило благородныя, но царское правительство считало ихъ преступными, незаконными, и оттого „Южное Общество" принуждено было не объявляться, должно было скрывать себя.

Однако, правительство догадывалось о существованіи общества и старалось знать о немъ подробнѣе. Но какъ разузнать? Въ этомъ затрудненіи помогъ ему одинъ унтеръ-офицеръ, по фамиліи Шервудъ. Онъ добился свиданія съ тогдашнимъ императоромъ Александромъ I Павловичемъ и принялъ отъ него порученіе доставить правительству подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ намѣреніяхъ и участникахъ тайнаго общества.

Исполняя волю государя, Шервудъ поѣхалъ по различнымъ мѣстамъ южной Россіи, втерся въ довѣріе къ нѣкоторымъ членамъ общества, сумѣлъ вызвать ихъ на откровенныя бесѣды и собралъ такимъ путемъ то, что нужно было ему и правительству. Добытыя свѣдѣнія онъ сообщилъ тогдашнему всесильному временщику, или, какъ его называли, „проклятому змію", графу Аракчееву.

Немедленно послѣдовали обыски и аресты, начиная съ главнаго руководителя тайнаго общества, образованнаго и умнаго полковника П. И. Пестеля. Многіе попали въ тюрьму, потомъ были судимы, какъ государственные преступники, присуждены къ каторгѣ и ссылкѣ, а П. И. Пестель былъ повѣшенъ. Дѣло свободы надолго задушено. Шервудъ же былъ отличенъ по службѣ и почтенъ прозвищемъ *Шервудъ-Вѣрный*.

Прошло 20 съ лишнимъ лѣтъ. Въ концѣ царствованія Николая I, брата и преемника Александра I, въ Петербургѣ образовался небольшой кружокъ просвѣщенныхъ людей. Члены кружка, собираясь вмѣстѣ, читали книги по общественнымъ вопросамъ и стремились какъ-нибудь помочь русскому народу. Больше всего и чаще всего они задумывались надъ вопросомъ объ упраздненіи главнаго тогдашняго зла русской жизни: объ уничтоженіи крѣпостного права, о томъ, какимъ способомъ его уничтожить. Самымъ дѣятельнымъ членомъ кружка былъ Петрашевскій, отчего и всѣхъ членовъ кружка впослѣдствіи стали называть „петрашевцами".

Намѣренія петрашавцевъ были самыя благія человѣчныя и вполнѣ мирныя. Никакого переворота государственнаго они не затѣ-

вали. Однако, по суровому николаевскому времени самое существованіе кружка казалось правительству, узнавшему о немъ, чѣмъ-то опаснымъ. Цѣли петрашавцевъ представлялись подозрительными, средства—ужасными. Поэтому, царскому правительству хотѣлось узнать, *кто* участвуетъ въ кружкѣ.

Было поручено разслѣдовать это дѣло одному чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ Липранди, человѣку ловкому, изобрѣтательному по части сыска. Липранди подговорилъ своего родственника *Антонелли* познакомиться кой съ кѣмъ изъ лицъ, на которыхъ падало подозрѣніе, и раздобыть свѣдѣнія относительно всего кружка. Члены его были малоосторожны, а Антонелли оказался пронырливымъ агентомъ и скоро попалъ на самое собраніе кружка. Ко всѣмъ петрашевцамъ онъ сталъ вхожъ, посѣщалъ ихъ бесѣды, а разъ даже устроилъ бесѣду у себя на квартирѣ. Ему вѣрили и при немъ не стѣснялись высказывать свои мысли, свои мечты. А онъ слушалъ, поддакивалъ, обо всемъ предательски доносилъ, а многое перевиралъ и преувеличивалъ.

Заручившись черезъ Антонелли свѣдѣніями, правительство принялось за свое дѣло. 22 апрѣля 1849 года было арестовано и предано суду около 40 человѣкъ. Двадцать одинъ обвиняемыхъ были приговорены къ смертной казни, хотя потомъ „помилованы" и сосланы въ каторжныя работы. Въ числѣ сосланныхъ былъ, между другими, молодой Ф. М. Достоевскій, впослѣдствіи великій писатель.

Такъ успѣшно для начальства дѣйствовалъ предатель Антонелли подъ руководствомъ Липранди. И за это предательство высшее начальство называло его „самымъ полезнымъ агентомъ".

Однако, въ обществѣ къ Антонелли относились съ брезгливостью. Многіе знакомые его сторонились. Даже въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ не пожелали опредѣлить его на службу: ни одинъ изъ столоначальниковъ не согласился принять его въ свое отдѣленіе. Когда одинъ учитель, по фамиліи Бѣлецкій, встрѣтивъ Антонелли, наговорилъ ему дерзостей и упрекалъ его въ безчестномъ поведеніи, то никто изъ общества не осудилъ Бѣлецкаго. Только военный министръ вступился за „самаго полезнаго агента" и выслалъ Бѣлецкаго, безъ суда и слѣдствія, въ Вологду подъ „строжайшій" надзоръ полиціи.

Человѣческая совѣсть не мирится съ коварствомъ провокаторовъ Шервуда и Антонелли. Однако, коварство ихъ представляетъ собою самую простую форму провокаціи. Впослѣдствіи защитники царскаго самодержавія выработали новыя формы, еще болѣе преступныя.

3. Все запродано,—и совѣсть и честь.

Въ 1882 году былъ арестованъ полиціей нѣкто *Дегаевъ*. Онъ былъ заподозрѣнъ въ революціонныхъ замыслахъ, да и, дѣйствительно, онъ имѣлъ небольшое касательство къ тогдашнимъ революціоннымъ кружкамъ.

Послѣ ареста онъ перепугался тюремнаго заключенія и суроваго наказанія. Человѣкъ онъ оказался нравственно слабый и двоедушный.

Чтобы избѣгнуть ссылки и освободиться изъ тюрьмы, онъ рѣшился на предательство и провокаторство. Онъ продался жандармамъ. Его измѣна революціонному дѣлу съ радостью принята инспекторомъ секретной полиціи, жандармскимъ подполковникомъ Судейкинымъ. Дегаеву дали свободу за выдачу тѣхъ революціонеровъ, которыхъ онъ зналъ до своего ареста.

Но этого было мало Судейкину. Онъ предложилъ Дегаеву поступить на постоянную службу полиціи въ качествѣ ея агента-провокатора, предложилъ ему по-прежнему участвовать въ революціонныхъ кружкахъ, все вынюхивать и выслѣживать, а потомъ обо всемъ доносить. Дегаевъ и на это согласился: въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ ухитрялся обманывать своихъ прежнихъ товарищей, умѣлъ, какъ говорится, втирать имъ очки въ глаза. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ разставлялъ и устраивалъ капканы для своихъ старыхъ и новыхъ товарищей. Онъ не только на словахъ выражалъ сочувствіе дѣлу революціи, но и самъ придумывалъ новые планы революціонной дѣятельности. Онъ добывалъ для этого откуда-то деньги, помогалъ и содѣйствовалъ, а затѣмъ тайно доносилъ Судейкину. Тотчасъ слѣдовали обыски, „преступники“ изобличались. Судейкинъ выслуживался, а Дегаевъ награждался.

Дѣйствуя такимъ образомъ, провокаторъ Дегаевъ совсѣмъ разстроилъ ряды революціонныхъ дѣятелей того времени, членовъ и сотрудниковъ исполнительнаго комитета партіи „Народной Воли“, а также офицерскихъ и солдатскихъ революціонныхъ организацій. Сотни людей попали изъ-за него на долгіе годы въ тюрьмы и въ ссылку. Дегаевъ „работалъ“, полиція торжествовала. Въ полицейскихъ кругахъ слава успѣшной борьбы съ народовольческой „крамолой“ приписывалась Судейкину, изловчившемуся купить Дегаева. Самъ начальникъ политической полиціи фонъ Плеве, будущій всесильный министръ внутреннихъ дѣлъ (въ 1901—1904 годахъ), расхваливалъ Судейкина

и льстилъ ему въ глаза. „Вы должны быть осторожны, сказалъ разъ Плеве Судейкину; вѣдь, ваша жизнь, послѣ жизни государя императора, наиболѣе драгоцѣнна для Россіи“. Плеве хорошо зналъ, что подыскать способнаго провокатора—цѣлая заслуга передъ царскимъ самодержавіемъ. Плеве понималъ, что предательство и провокація нужны самодержавному строю, какъ неизбѣжны для него жестокость и мстительность.

Провокаторы дорого цѣнились царскимъ правительствомъ. Еще раньше Дегаева, въ 1874 году кіевскіе жандармы подкупили за деньги нѣкоего *Гориновича*. Подкупленный, онъ хитро пробрался въ одинъ изъ кіевскихъ революціонныхъ кружковъ и повыдавалъ многихъ лицъ въ жандармскія руки. Этотъ провокаторъ былъ такъ дорогъ правительству, что, когда на него было совершено революціонерами покушеніе, то изъ-за него повѣшено было трое—Дробязгинъ, Малинка и Майданскій.

Старый царскій строй держался на обманѣ народа и не могъ обойтись безъ гоненій на свободную мысль, на свободное слово и на всякую попытку смѣлой защиты народныхъ интересовъ. Гоненія эти организовывались полиціей, а невѣжественная и злобная полиція прибѣгала къ провокаторству. При его помощи она задушила партію народовольцевъ. При посредствѣ того же провокаторства царская полиція и жандармерія боролись и впослѣдствіи съ партіей соціалистовъ-революціонеровъ, преемницей партіи „Народной Воли“.

Заручиться расторонным и безсовѣстнымъ предателемъ,—вотъ главное оружіе жандармовъ и охранниковъ. Заручиться провокаторомъ и посадить его революціонную партію,—вотъ всегдашняя постыдная забота жандармскихъ патріотовъ. Удавалось имъ это много разъ. Цѣлый рядъ предателей, потерявшихъ стыдъ, и просто двоедушныхъ лицъ полиція сумѣла ввести въ различныхъ тайныя революціонныя организаціи. Много нравственныхъ паденій и душевной мерзости насаждала полиція, допуская и размножая провокацію. Но едва ли не отвратительнѣе всѣхъ была провокаторская дѣятельность *Азефа*.

Свыше пяти лѣтъ Азефъ былъ членомъ центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціоннеровъ и ихъ боевой организаціи, съ 1902 до 1908 годъ. За это время партія вела энергичную борьбу съ правительствомъ разными способами и, между прочимъ, посредствомъ террора. Были произведены политическія убійства нѣсколькихъ наиболѣе видныхъ и вредныхъ представителей правительственной власти.

Были убиты министры внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ и фонъ Плеве, давнишній покровитель Судейкина и Дегаева; былъ убитъ московскій генералъ-губернаторъ великій князь Сергѣй Александровичъ, были убиты губернаторы уфимскій Богдановичъ и тверской Игнатьевъ; былъ убитъ петербургскій градоначальникъ Лауницъ, военный прокуроръ Павловъ, жестокій усмиритель полковникъ Минъ, и другіе. Еще больше было покушеній неудавшихся. Въ этихъ террористическихъ дѣлахъ участвовало, рисковало своею жизнью и погибло не мало горячихъ и самоотверженныхъ революціонеровъ. Одни гибли на висѣлицахъ и на каторгѣ; другіе гибли при самыхъ покушеніяхъ. А были третьи, кто становился жертвой Азефа. Онъ на нихъ доносилъ полиціи. Вѣдь, онъ былъ въ центральномъ партійномъ комитетѣ и въ боевой организаціи. Онъ зналъ почти обо всѣхъ подготовляемыхъ покушеніяхъ, самъ участвовалъ въ обдумываніи и въ подготовкѣ покушеній; поэтому, всегда имѣлъ возможность все въ подробности и точности сообщить полиціи. И о многихъ покушеніяхъ онъ успѣвалъ предупредить полицію,—задуманное разстраивалось, участники арестовывались, ссылались и страдали. А предатель, какъ ни въ чемъ не бывало, безъ смущенія продолжалъ участвовать въ партіи, принимался подготовлять новое покушеніе, завлекалъ въ него новыхъ участниковъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ снова черезъ нѣкоторое время предать. Такъ онъ нѣсколько лѣтъ занимался преступнымъ подстрекательствомъ и предательствомъ. Правительство же уплачивало ему жалованье изъ казенныхъ средствъ за его „полезную“ дѣятельность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Азефъ не обо всемъ и не обо всѣхъ сообщалъ полиціи. Часть замысловъ онъ скрывалъ отъ нея, замыслы удавались,—и полиція оказывалась обманутой. Такъ Азефъ игралъ двойную игру: въ однихъ случаяхъ надувалъ товарищей по партіи, а въ другихъ проводилъ за носъ полицію. И партія и полиція ему вѣрила, той и другой онъ отплачивалъ измѣной. Это былъ двойной предатель, безъ совѣсти и чести въ душѣ.

Только въ 1908 году партійные дѣятели стали подозрѣвать Азефа, начали разслѣдовать его поведеніе и въ концѣ-концовъ признали его провокаторомъ. Тогда онъ скрылся. Есть слухи, что онъ теперь живетъ въ Германіи.

Дегаевъ 80-хъ годовъ и Азефъ 900-хъ годовъ, это—провокаторы высшаго сорта по сравненію съ Шервудомъ и Антонелли, которые дѣйствовали въ первой половинѣ 19-го вѣка. Дегаевъ и Азефъ, это

уже специалисты своего постыднаго дѣла. Они *сами* устраивали тайныя организаціи, подпольныя типографіи, сами наталкивали другихъ на разныя рискованныя предпріятія, и въ этомъ ихъ позорное отличіе отъ простыхъ доносчиковъ—освѣдомителей.

Не слѣдуетъ думать, что Дегаевъ и Азефъ—единичные предатели, что только столичныя полицейскія учрежденія могли породить такихъ предателей. Нѣтъ, агенты царскаго самодержавія и въ провинціальныхъ городахъ не гнушались прибѣгать къ провокаціи, не жалѣли тратить на нее деньги и людей. Вотъ для примѣра одинъ фактъ.

Въ 1903 году въ городѣ Баку была арестована жандармами тайная типографія бакинскаго комитета соціалъ-демократической партіи. Вмѣстѣ съ типографіей были, конечно, взяты и посажены въ тюрьму и лица, причастныя къ печатанію въ типографіи.

Какимъ-же образомъ жандармы провѣдали про нее? Оказывается, ими же самими къ соціалъ-демократическому комитету былъ подосланъ агентъ-провокаторъ, который вкрался въ довѣріе къ членамъ комитета и помогъ имъ оборудовать типографію. Въ ней онъ самъ собственными руками работалъ и другимъ помогалъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ типографія издала и распространила среди бакинскихъ рабочихъ болѣе 40.000 экземпляровъ различныхъ революціонныхъ брошюръ и листковъ.

Понятно, жандармское управленіе черезъ своего агента, участника типографіи, прекрасно знало, *что* дѣлается въ комитетѣ. Черезъ него же оно разузнавало, *кто* писалъ рукописи для печати, *кто* и *какъ* распространялъ изданія, *кто* вообще имѣлъ касательство къ типографіи.

Когда провокаторомъ было добыто достаточно свѣдѣній, жандармы нагрянули съ обыскомъ ко всѣмъ лицамъ, указаннымъ ловкимъ агентомъ, арестовали ихъ и захватили типографію. Чтобы замести слѣды, жандармы арестовали для виду и своего провокатора, держали его нѣкоторое время въ тюрьмѣ, продолжая уплачивать ему жалованье, по 100 рублей въ мѣсяцъ.

Пришлось бы писать толстую книгу, если бы мы взялись разсказывать обо всѣхъ провокаторахъ этого сорта. Ихъ было не мало. И много честныхъ, наивныхъ молодыхъ людей стало жертвой этихъ лицемѣровъ, разставлявшихъ свои сѣти въ теченіе десятилѣтій въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Лицемѣры эти на словахъ часто бывали самыми крайними изъ лѣвыхъ, самыми рѣшительными террористами, самыми красными изъ революціонеровъ. Они громили въ рѣчахъ своихъ прави-

тельство рѣзче всѣхъ, ругали буржуазію ожесточеннѣе всѣхъ, держались смѣлѣе всѣхъ. Ихъ рѣзкость и дерзость располагали къ нимъ людей довѣрчивыхъ,—неопытныхъ и недалекихъ. Они принимали эту фальшь за чистую монету, и съ головой попадались въ ловушку.

Скажемъ еще объ одномъ изъ самыхъ беззастѣнчивыхъ провокаторовъ послѣднихъ годовъ—о провокаторѣ Романѣ *Малиновскомъ*.

Прошлое его темно. Извѣстно, что въ 1899 году онъ судился въ плоцкомъ окружномъ судѣ за кражу со взломомъ, былъ осужденъ и отбылъ назначенное ему наказаніе въ 1902 году. А черезъ нѣсколько лѣтъ онъ оказался уже своимъ человѣкомъ въ соціалъ-демократической партіи, игралъ въ ней замѣтную роль, а вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ тайнымъ сотрудникомъ самодержавнаго правительства, на службѣ московскаго охраннаго отдѣленія, подъ кличкой «Портной». Сотрудникомъ для полиціи *Малиновскій* былъ настолько цѣннымъ, что онъ получалъ жалованья 6000 руб. въ годъ, и получалъ онъ эту сумму не задаромъ. Онъ былъ членомъ центральнаго комитета соціалъ-демократовъ, участвовалъ въ разныхъ общепартійныхъ совѣщаніяхъ, разъѣзжалъ по различнымъ городамъ отъ имени комитета, писалъ статьи въ газетѣ «Правда», очень многое зналъ и сообщалъ охранкѣ. Это былъ чрезвычайно цѣнный для полиціи предатель и въ то же время правая рука вождя соціалъ-демократовъ-большевиковъ Ленина—Ульянова. Малиновскій былъ драгоцѣнный пособникъ полиціи, котораго ослѣпленные большевики считали незапятнаннымъ борцомъ за революціонный пролетаріатъ. Этотъ продажный человѣкъ былъ инструкторомъ и вожакомъ большевизма, и въ то же время самъ руководствовался инструкціями изъ департамента полиціи.

При содѣйствіи того же департамента Малиновскій былъ избранъ въ 1912 году членомъ Государственной Думы отъ Московской губерніи по рабочей куріи. Въ Государственной Думѣ онъ говорилъ самыя рѣзкія рѣчи, былъ ярымъ большевикомъ, и все это дѣлалъ по совѣту или съ согласія департамента полиціи. Крайній большевизмъ былъ маской—личиной, изъ-за которой одураченные имъ соціалъ-демократы не умѣли разглядѣть въ немъ полицейскаго провокатора. Рабочіе его рѣчами заслушивались; читатели рабочихъ газетъ его статьями зачитывались. Его рѣзкость была ему покровомъ и защитой отъ всякихъ подозрѣній. А между тѣмъ черезъ него департаментъ полиціи зналъ все, что ему надо было знать о соціалъ-демократической партіи, черезъ него всѣ нити партійной организаціей были въ рукахъ департамента.

Черезъ него же, Малиновскаго, департаментъ полиціи добился того, что соціалъ-демократическая фракція въ Государственной Думѣ раскололась на-двое, на большевиковъ и меньшевиковъ. Во главѣ большевиковъ, самыхъ крайнихъ и непримиримыхъ по отношенію къ правительству, и сталъ Малиновскій, такъ мирно уживавшійся съ главарями полицейскаго сыска. Расколоть, поссорить и предать,—вотъ въ чемъ заключалась задача Малиновскаго. И, вотъ, такой-то человѣкъ слылъ за выдающагося партійнаго большевика.

Только въ 1914 году, за два мѣсяца до войны, Малиновскій почуялъ, что его провокаторство могутъ раскрыть; неожиданно для своихъ товарищей онъ исчезъ изъ Россіи, за границу, и очутился въ Германіи. Тамъ онъ проживаетъ, говорятъ, и теперь.

Азефъ и Малиновскій, ставленники царскаго правительства въ центрахъ двухъ революціонныхъ партій, это—два искуснѣйшихъ мастера безстыднаго провокаторскаго цеха. За ними тянулись десятки мелкихъ, менѣе искусныхъ и, быть можетъ, менѣе вредныхъ провокаторовъ, проникавшихъ въ революціонныя организаціи.

Организаціи эти до политическаго переворота 1917 года были подпольными, тайными и очень ограниченными по своему составу. Нерѣдко въ нихъ царила нетерпимость и кружковщина. Партійные комитеты и организаціи были отрѣзаны отъ народной жизни и отъ широкихъ общественныхъ круговъ, были лишены постояннаго притока свѣжихъ силъ и свѣта критики. Вотъ почему въ революціонныхъ партіяхъ нерѣдко и получали большое вліяніе проходимцы вродѣ Азефа и Малиновскаго, морочившіе своихъ товарищей. Своею мнимою преданностью революціонному дѣлу, своими крайними сужденіями и взглядами, своими дерзкими планами они усыпляли мысль своихъ немногочисленныхъ ближайшихъ друзей, а къ нимъ съ безусловнымъ довѣріемъ и безъ критики относилось большинство членовъ партіи. Отъ этой кружковщины и преклоненія передъ крайними лозунгами и взглядами партіи начинаютъ отрѣшаться только теперь, по выходѣ изъ подполья на свѣтъ свободной критики.

Для провокаторовъ часто защитной одеждой служили самые непримиримые революціонные планы и рѣчи. Ими они прикрывали свое двоедушіе въ тѣсныхъ партійныхъ комитетахъ и кружкахъ.

Но, кромѣ того, крайними революціонными рѣчами и лозунгами пользовались провокаторы и съ другою цѣлью. Случалось, жандармскіе агенты произносили на публичныхъ собраніяхъ и митингахъ самыя

зажигательныя рѣчи, выкрикивали самые боевые и пламенные возгласы. Такимъ маневромъ они разсчитывали заставить другихъ ораторовъ рѣшиться на публичныя революціонныя рѣчи, разсчитывали вынудить у собранія чисто революціонныя резолюціи и требованія, наталкивали на «преступныя» выступленія. И нерѣдко собравшаяся толпа поддавалась на удочку. Ораторы въ запуски другъ передъ другомъ щеголяли самыми яркими, самыми „лѣвыми“ предложеніями, собранія торопились согласиться съ ними, выносили смѣлыя, но поспѣшныя рѣшенія. А провокаторамъ только этого и было нужно. Въ ихъ записныя книжечки заносилось нѣсколько новыхъ фамилій для сообщенія жандармамъ.

4. Лисій хвостъ и волчья пасть.

Провокаторы старались проникать всюду: и въ партійныя революціонныя организаціи, и въ либеральные кружки интеллигенціи, и въ литературную среду и въ рабочіе профессіональные союзы. Особенно много вреда провокація принесла рабочимъ, пролетаріату.

Здѣсь обыкновеннаго провокаторства, въ родѣ того, о которомъ было говорено выше, оказывалось недостаточно. Обыкновенные провокаторы не въ состояніи были совершенно вытравить въ рабочей средѣ революціоннаго духа. Они могли разстроить ряды революціонныхъ кружковъ и комитетовъ, они могли на время обезсилить революціонную интеллигенцію, но имъ не подъ силу было остановить и даже сильно затормозить революціонное движеніе рабочихъ массъ. Тутъ, очевидно, были потребны правительству иныя средства, иныя формы провокаціи.

Поэтому, когда рабочее движеніе въ Россіи, лѣтъ 20 назадъ, начинало принимать широкіе размѣры, наши изобрѣтатели сыскной части стали усердно ломать головы надъ постановкой провокаціи на новый усовершенствованный ладъ. И придумали.

Проложилъ новый путь московскій жандармъ *С. В. Зубатовъ*. Въ началѣ 80-хъ годовъ Зубатовъ былъ человѣкомъ радикально-настроеннымъ и вхожимъ въ московскіе кружки учащейся молодежи. Въ 1886—9 годы онъ былъ обыкновеннымъ агентомъ-доносчикомъ, безъ сожалѣнія продававшимъ своихъ товарищей и знакомыхъ. Въ 1889 году, когда распространились слухи объ его предательствѣ, онъ открыто поступилъ на службу въ охранное отдѣленіе въ той же Москвѣ.

Въ 1896 году Зубатовъ сдѣлался начальникомъ московскаго охраннаго отдѣленія и въ этомъ званіи составилъ новый планъ борьбы съ

революціоннымъ движеніемъ среди фабрично-заводскихъ рабочихъ, и не только составилъ планъ, но и привелъ его въ исполненіе. Въ чемъ-же состояла эта «зубатовщина»?

По мнѣнію Зубатова, надо бороться съ рабочимъ движеніемъ не одними арестами и высылкой, не одними преслѣдованіями и наказаніями, а еще инымъ способомъ. Надо постараться направить броженіе по надлежащему—жандармскому руслу.

Жандармамъ слѣдуетъ овладѣть рабочимъ движеніемъ, отклонить его отъ политическаго пути и устремить его на борьбу съ отдѣльными хозяевами. Надо занять силы и вниманіе рабочаго класса мелкими спорами съ наиболѣе прижимистыми хозяевами; надо убѣдить рабочихъ, будто правительство сочувствуетъ такой борьбѣ съ капиталистами и готово поддержать ее, если только рабочіе перестанутъ слушать политиковъ—революціонеровъ. Нужно привлечь чувства рабочихъ къ начальству мелкими побѣдами надъ хозяевами, отвадить рабочую мысль отъ политики, а подъ рукой выслѣживать и арестовывать остатки революціонныхъ организацій.

Таковъ былъ планъ начальника московскаго охраннаго отдѣленія Зубатова; онъ получилъ полное одобреніе московскаго генералъ-губернатора, великаго князя Сергія Александровича. Министръ Сипягинъ мало вѣрилъ въ удачу этого плана, но разрѣшилъ Зубатову произвести опытъ новой провокаціи. Зубатовъ началъ съ Москвы, а потомъ принялся за работу и въ другихъ городахъ, особенно въ Минскѣ и Одессѣ, гдѣ нашлись усердные помощники въ родѣ Вильбушевичъ, Старкова, Головина и Шаевича.

Что же дѣлали зубатовцы? Въ Москвѣ было открыто общество механическихъ рабочихъ, ставшее скоро центромъ зубатовской провокаціи. Устраивались частыя и многолюдныя собранія рабочихъ. На этихъ собраніяхъ произносились длинныя и громкія рѣчи о хозяйскихъ притѣсненіяхъ. Наемные полицейскіе ораторы по-фарисейски скорбѣли о бѣдныхъ рабочихъ, вынужденныхъ много и долго работать, а получать низкую заработную плату.

Такія рѣчи на диво всѣмъ говорились открыто передъ тысячами слушателей, а это въ тогдашнее время было ново и казалось смѣлымъ. Рабочіе, не узнавая въ ораторахъ переодѣтыхъ полицейскихъ агентовъ, поддавались обману и вѣрили со словъ краснобаевъ, будто правительство на сторонѣ рабочихъ и готово обуздать капиталистовъ. Масса рабочихъ довѣрчиво слушало лисьи рѣчи и не сразу разсмотрѣла волчью пасть зубатовцевъ. Чтобы завоевать еще больше расположенія рабочихъ, зубатовцы подстрекали ихъ къ стачкамъ, предъявляли отъ

имени рабочихъ различныя мелкія требованія къ хозяевамъ и, пользуясь полицейскими связями, иногда добивались отъ хозяевъ незначительныхъ уступокъ. Мнимые защитники пролетарскихъ интересовъ пользовались каждымъ благопріятнымъ для нихъ настроеніемъ рабочихъ и убѣждали ихъ, что отъ полиціи и жандармовъ бѣднымъ труженикамъ ничего, кромѣ пользы, не будетъ, и что необходимо разъ навсегда отвергнуться отъ революціонеровъ, которые могутъ довести только до тюрьмы и ссылки.

Конечно, находились и среди рабочихъ такіе, которые видѣли лицемѣріе и догадывались о подвохахъ зубатовщины. Такіе проницательные рабочіе, а также революціонеры, предостерегали рабочихъ отъ довѣрія къ ставленникамъ и помощникамъ Зубатова; однако, такіе люди скоро выслѣживались и арестовывались; открытыя собранія облегчали шпіонамъ слѣжку, и рабочіе, несогласные съ зубатовскими благодѣяніями, „устранялись“ путемъ арестовъ и высылокъ.

Въ Одессѣ и Минскѣ зубатовцы стали работать нѣсколько иначе. Тамъ они основали особую „независимую рабочую партію“ или „союзъ независимыхъ“, въ который зазывали рабочихъ. Эта партія дѣйствовала какъ-будто тайно, выпускала какъ-будто нелегальныя воззванія и листки, на самомъ же дѣлѣ всѣмъ завѣдывали жандармы изъ охраннаго отдѣленія. Таинственными изданіями и собраніями зубатовцы прельщали къ себѣ отдѣльныхъ рабочихъ, отвлекали ихъ отъ революціонныхъ партій, а подстрекательствомъ къ явнымъ стачкамъ они снискали себѣ на время расположеніе рабочихъ массъ. Однако, это провокаторская игра не могла долго продолжаться. Какъ только отъ вздорной болтовни дѣло дошло до серьезныхъ столкновеній съ крупными хозяевами, такъ вся подоплека зубатовской компаніи ясно обнаружилась. Чиновничье правительство, скрѣпя сердце, для привлеченія расположенія рабочаго люда соглашалось надавить на хозяевъ небольшихъ заводовъ и мастерскихъ; но стараться въ пользу рабочихъ въ ущербъ крупнымъ хозяевамъ оно не хотѣло и не могло.

Шутить и играть въ стачки зубатовцы могли, но поощрять настоящую нешуточную борьбу съ капитализмомъ было немыслимо. Капитализмъ и бюрократія—ближайшіе родственники и сосѣди. Они одинаково враждебны рабочему классу. Зубатовъ взялся за невозможную задачу: онъ захотѣлъ разыграть передъ рабочими комедію мнимой ссоры капитализма съ бюрократіей. Для бо́льшей правдоподобности ссоры онъ задумалъ дать представленіе, будто бюрократія рѣшилась разорать

своего друга и сосѣда, рѣшилась поджечь хоромы, въ которыхъ обитаютъ капиталисты. Но представленіе оказалось опаснымъ. Поджогъ ближайшаго сосѣда легко превращается въ самоподжогъ. Разореніе ближайшаго родственника неизбѣжно гибельно отразится на дѣлахъ самого разорившаго. Поэтому, правительство быстро, при возникновеніи первыхъ-же крупныхъ зубатовскихъ стачекъ, показало, на чьей оно сторонѣ, на сторонѣ-ли рабочихъ или хозяевъ. Зубатовскія стачки въ Москвѣ и Одессѣ повели къ арестамъ стачечниковъ, къ вызову войскъ, къ разстрѣламъ и избіенію. Сами „поджигатели" Зубатовъ и Шаевичъ попали къ высшему начальству въ немилость и удалены отъ провокаціи. Такимъ образомъ, зубатовщина провалилась. Этотъ провалъ случился лѣтомъ 1903 года, послѣ трехлѣтнихъ стараній охранныхъ отдѣленій.

Кончилась проваломъ подобная же попытка и въ Петербургѣ, гдѣ правительствомъ въ началѣ 1904 года было учреждено „Собраніе фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ" подъ предсѣдательствомъ священника *Гапона*. Оно дѣйствовало открыто и свободно. Цѣлью этого собранія было также заигрываніе съ рабочими и отвлеченіе ихъ отъ соціализма и революціонной работы. Однако, это заигрываніе привело къ кровавому воскресенью 9 января 1905 г., ко дню, позорному для бюрократизма, роковому дню для гапоновскихъ собраній и исходному для первой русской революціи. Случилось обратное тому, чего ожидали.

Зубатовщина не спасла самодержавія, хотя и погубила много сотенъ пролетаріевъ.

5. «Истинно-русскіе» ироды и пилаты.

Въ томъ-же 1905-мъ году для борьбы съ революціонерами и революціей придумано было защитниками стараго строя новая ужасная форма провокаціи.

По всей Россіи прошла полоса кровавыхъ междоусобныхъ столкновеній въ народѣ. Въ городахъ и деревняхъ лилась кровь русскихъ гражданъ, при явномъ попустительствѣ и тайномъ содѣйствіи полиціи. Какъ это случилось?

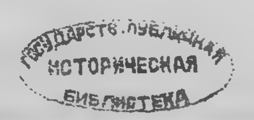
Поборники старыхъ негодныхъ порядковъ придумали слѣдующій планъ. Мы уже не сможемъ,—разсуждали они,—остановить народнаго движенія жандармскими средствами. Мы не сможемъ ничѣмъ отвлечь народныхъ думъ отъ революціи. Революціонеры не боятся полицейскаго

надзора и дознаній, не боятся суда и наказаній,—масса городского и сельскаго населенія пропитывается боевымъ настроеніемъ. Повернемъ же это боевое настроеніе въ свою пользу. Распалимъ ненависть одной части населенія противъ другой; натравимъ темную часть народа на интеллигенцію и на революціонеровъ; пусть прольется кровь; зато революціонеры и смутьяны напугаются; зато пойдетъ въ странѣ такая неразбериха, что народъ надолго отвадится отъ своихъ желаній новой жизни, а мы по-прежнему останемся господами.

Такъ разсуждали враги народа, и они не задумались провести свой планъ въ жизнь. Имъ оставалось только рѣшить слѣдующую задачу: *кого и какъ* науськать на интеллигенцію и революціонеровъ, *чѣмъ* разжечь человѣческую страсть, *чѣмъ*, однимъ словомъ, вызвать погромы, *чѣмъ* «провоцировать» задуманныя преступленія. И, конечно, разъ люди потеряли совѣсть и стыдъ, если они задумали кровавое дѣло, то такіе люди найдутъ также средства его осуществить. Такъ и случилось.

У противниковъ обновленія Россіи хватило безстыдства на то, чтобы отыскать среди народа самыхъ худшихъ и темныхъ людей, пробудить въ людяхъ самыя низменныя склонности и направить ихъ на друзей и вожаковъ народа. Спасая собственное праздное благополучіе, защитники стараго строя вызвали къ себѣ на помощь звѣрныя чувства въ непросвѣщенной части народа. Въ нищихъ пропойцахъ и городскихъ босякахъ они пробуждали грабительскую жажду наживы. Въ православныхъ людяхъ они извращали христіанскія отношенія и натравляли на евреевъ и штундистовъ. Татаръ они озлобляли противъ армянъ. Богатѣевъ въ деревнѣ они застрашивали свободами и наталкивали на расправу съ сельской интеллигенціей и съ сознательными крестьянами. Невѣжественныхъ городскихъ торговцевъ и ремесленниковъ они дурачили клеветой на сторонниковъ свободы. Сытые и сильные міра сего хотѣли въ раздутой враждѣ одной части населенія къ другой похоронить революцію, хотѣли погромами заглушить народный вопль о лучшей долѣ.

При устройствѣ избіеній и погромовъ нужны были поводы и толчки, которые возбудили бы темную толпу, которые расшевелили бы звѣря въ толпѣ. Поэтому появились особые погромныхъ дѣлъ провокаторы. Ихъ задача—взвинтить какимъ-нибудь дѣйствіемъ или слухомъ толпу. И вотъ, въ 1905 году погромы во многихъ мѣстахъ Россіи начались по одному и тому же поводу: въ городской думѣ или вообще

въ какомъ-либо общественномъ учрежденіи вдругъ оказывался надрѣзаннымъ и испорченнымъ царскій портретъ подрѣзываніе или оскорбленіе происходило въ различныхъ городахъ словно по указкѣ; оно было какъ бы сигналомъ къ погрому. Это было продѣлкой провокаторовъ.

Темный народъ не вникалъ въ дѣло, вѣрилъ слуху, будто подрѣзали царскій портретъ евреи и революціонеры, и подъ командой потерянныхъ людей бросался бить и грабить. А этого только и нужно было провокаторамъ,—они получали награду. Такъ, напримѣръ, установлено, что въ Кіевѣ передъ погромомъ въ октябрѣ 1905 г. царскій портретъ разорванъ агентомъ-провокаторомъ Василіемъ Григорьевымъ (потомъ Григорьевъ поступилъ въ палачи для исполненія смертныхъ приговоровъ надъ политическими). Что было въ Кіевѣ, то произошло одновременно во многихъ большихъ и малыхъ городахъ.

Въ Бѣлостокѣ лѣтомъ 1906 г. вызванъ ужасный еврейскій погромъ провокаторскими выходками,—это установлено членами первой государственной думы, которые ѣздили въ Бѣлостокъ. Уже послѣ кроваваго погрома въ томъ же Бѣлостокѣ былъ случай, который показываетъ, кому нуженъ былъ первый погромъ и кому хотѣлось вызвать второе избіеніе евреевъ. 16 іюня вечеромъ постовой городовой на Шоссейной улицѣ, недалеко отъ генералъ-губернаторской квартиры, стрѣлялъ изъ револьвера. На выстрѣлъ явился офицеръ углицкаго полка, которому городовой донесъ: „Евреи бунтуютъ! Опять они стрѣляютъ!". Офицеръ, однако, попался порядочный человѣкъ; онъ, осмотрѣвъ револьверъ, убѣдился, что стрѣлялъ никто иной, какъ самъ городовой. Разумѣется, что онъ не самъ придумалъ свою провокаторскую выходку,—она была ему указана.

Въ Жирардовѣ 21 августа 1906 года на похоронахъ одного рабочаго, убитаго полицейскимъ, присутствовала многотысячная толпа рабочихъ, спокойно шедшая за гробомъ. Царилъ полный порядокъ. Внезапно раздался провокаторскій выстрѣлъ, никому не принесшій вреда. Словно по сигналу казаки, ѣхавшіе за похороннымъ шествіемъ, открыли огонь и начали разстрѣливать толпу. Осталось на мѣстѣ около 10 убитыхъ и 20 раненыхъ. Такимъ маneромъ провокаторъ вызвалъ и прикрылъ насиліе надъ людьми.

Въ Либавѣ 1 ноября 1905 г. былъ убитъ рабочими паспортистъ полицейскаго управленія Клуге. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ въ качествѣ провокатора подпаивалъ у гавани рабочихъ, раздавалъ имъ

деньги и, угостивши, убѣждалъ ихъ избивать евреевъ. Рабочіе были такъ возмущены безсовѣстнымъ приглашеніемъ полицейскаго чиновника, что самочинно покончили съ нимъ близъ завода Беккера. Провокаціей еврейскихъ погромовъ въ Либавѣ занимался не одинъ паспортистъ Клуге. Въ 1905 году въ Екатеринославѣ какой-то Бергманъ облилъ среди толпы евреевъ-рабочихъ кислотой полицейскаго надзирателя Ефименко. Этотъ случай едва не вызвалъ еврейскаго погрома. Бергмана задержали и обнаружилось, что онъ служитъ въ охранномъ отдѣленіи. Обнаружилось, что онъ спеціалистъ-провокаторъ, стрѣлялъ уже и раньше съ цѣлью вызвать избіеніе евреевъ. Занимаясь этимъ опаснымъ ремесломъ, онъ попадалъ въ разныя передѣлки, но генералъ Треповъ всегда его выручалъ.

Вотъ что продѣлывали провокаторы въ городахъ. Не менѣе возмутительныя событія случались отъ нихъ и по деревнямъ. Была, впрочемъ и нѣкоторая разница деревенскихъ погромовъ отъ городскихъ. Здѣсь, во-первыхъ, провокаторы не всегда были наемные,—здѣсь дѣйствовали также провокаторы изъ добровольцевъ-богатѣевъ, помѣщиковъ и духовенства. Во-вторыхъ, въ деревняхъ за отсутствіемъ евреевъ громили сознательныхъ крестьянъ и сельскую интеллигенцію—докторовъ, учителей, земскихъ служащихъ и пр. Вотъ, напр., въ 1907 году въ Стародубѣ въ окружномъ судѣ разбиралось дѣло о погромѣ въ мѣстечкѣ Симеоновкѣ. Погромъ былъ свирѣпый, мѣстечко было разграблено до-тла, при чемъ во время грабежа убито 30 человѣкъ. Эту дикую расправу учинили мѣстные богатые жители. На судѣ изъ допросовъ урядника, земскаго начальника и обывателей видно было, что сигналомъ къ погрому послужилъ поджогъ церкви, произведенный однимъ русскимъ провокаторомъ съ цѣлью раздражить мнимымъ кощунствомъ православное населеніе. Въ Юзовкѣ два провокатора разбили въ Преображенской церкви икону съ цѣлью свалить это преступленіе на евреевъ и вызвать погромъ. Въ мѣстечкѣ Смолевичи (Минской губ.) провокаторы съ тою же цѣлью разрыли нѣсколько могилъ и сломали кресты на православномъ кладбищѣ. Въ Малиновкѣ (Саратовской губ.) деревенскими богатѣями было убито 38 человѣкъ изъ сознательныхъ крестьянъ и сектантовъ, при чемъ передъ погромомъ былъ пущенъ провокаторскій ложный слухъ, будто кто-то оскорбилъ православную церковь, введя въ нее быка и зарѣзалъ его тамъ, и, конечно, такое кощунство взваливали на передовыхъ крестьянъ и сектантовъ.

Если бы мы вздумали описывать всѣ продѣлки и поддѣлки прово-

каторовъ по погромной части, намъ пришлось бы писать цѣлый томъ. Но довольно и приведенныхъ случаевъ. Поведеніе провокаторовъ этого сорта вездѣ однообразно, цѣли ихъ одинаково вездѣ жестоки, пріемы одинаково грязны и безсовѣстны. Прострѣлить, надрѣзать царскій портретъ, оскорбить икону, швырнуть камнемъ въ патріотическую процессію, бросить бомбу или шутиху въ патруль, написать подложное письмо губернатору или архіерею, пустить въ народъ клевету или облыжный слухъ,—все это повторялось въ 1905 и 1906 годахъ съ изумительнымъ постоянствомъ провокаторами во всѣхъ частяхъ Россіи.

Такое свойство провокаторскихъ поступковъ происходило неспроста и не случайно. По всему видно было, что наемъ провокаторовъ и наставленія для нихъ исходили изъ одного мѣста. И, дѣйствительно, подстрекательство къ погромамъ принадлежало многимъ изъ высокопоставленныхъ лицъ, а воззванія о погромахъ печатались нѣкоторыми жандармскими офицерами.

Темнота народная была причиной того, что по лицу земли русской рѣкой разливалась всяческая клевета и разные навѣты то на интеллигенцію, то на евреевъ, то еще на кого. На темнотѣ и жестокости держался прежній царскій строй. Къ клеветѣ и навѣтамъ будутъ прибѣгать и теперь люди, жаждущіе возродить этотъ прежній царскій строй и подавить народную самодѣятельность.

Свѣтъ просвѣщенія и свободной мысли, только этотъ свѣтъ можетъ разогнать мракъ, подъ покровомъ котораго имѣли успѣхъ въ прошломъ зубатовщина, гапоновщина и погромная агитація.

Яркій свѣтъ политической и гражданской свободы спугнетъ навсегда тѣ сумерки политическаго подполья, въ которыхъ творили свое злое дѣло Дегаевы, Азефы и Малиновскіе. Тотъ-же свѣтъ свободы и просвѣщенія навсегда устранитъ возможность зубатовщины и черносотенныхъ погромовъ.

6. Послѣднее уродство.

Мы видѣли выше, къ чему часто стремилась провокація: внести раздоръ и несогласіе туда, гдѣ царить единство и согласіе. Расколоть единую партію на-двое, на-трое, поссорить единомышленниковъ, раздуть ссору до непримиримой враждебности, забросить въ народную душу сѣмя недовѣрія и озлобленности,—вотъ обычныя средства провокаторовъ.

Вспомнимъ, какъ Зубатовъ вмѣшивался въ рабочее движеніе, ста-

рался извратить его пути и разстроить его единство. Вспомнимъ, какъ погромная провокація стремилась разбить единое народное настроеніе, натравливая массу населенія на интеллигенцію и вызывая братоубійственныя столкновенія. Мы знаемъ, какъ Малиновскій углублялъ различіе, бывшее между соціалъ-демократами меньшевиками и большевиками, углублялъ до непроходимой пропасти, сѣялъ между революціонерами рознь. При этомъ онъ прикрывалъ свою разрушительную провокаторскую работу лживыми словами о чистотѣ своихъ революціонныхъ принциповъ, точно такъ-же, какъ Зубатовъ прикрывался фарисейской заботой о матеріальныхъ нуждахъ рабочихъ. Такъ поступали и другіе провокаторы. Какъ фарисеи, они похвалялись передъ другими своею отмѣнной преданностью народному дѣлу.

Чѣмъ гнуснѣе предательство, тѣмъ громче предатели выкрикиваютъ трескучія фразы, лозунги и обѣщанія. Вѣдь, продажныя женщины принуждены прилагать не мало заботъ о красивыхъ нарядахъ, и чѣмъ безстыжѣй ихъ поведеніе, тѣмъ старательнѣе они украшаютъ себя поддѣльнымъ румянцемъ и разными костюмами. Точно такъ-же отъявленные провокаторы нерѣдко надѣваютъ маску самыхъ крайнихъ революціонеровъ. До поры—до времени такой ходульной революціонностью имъ удается обманывать людей довѣрчивыхъ, смущать наивныхъ, создавать настроеніе слѣпой вражды ко всѣмъ несогласнымъ съ ними, провокаторами. Кто смѣлъ усумниться въ честности и чистотѣ Азефа, когда онъ участвовалъ въ дерзкихъ покушеніяхъ на сановниковъ и чиновниковъ? Кто смѣлъ бросить слово недовѣрія о Малиновскомъ, когда онъ—самый лѣвый и самый непримиримый изъ большевиковъ?

Неопытной молодежи трудно разгадать крикливость наглыхъ. Темнымъ людямъ трудно разоблачить предательство, закутанное въ убранство внѣшняго блеска. И единство разстраивалось, дѣло освобожденія обнажалось для вражескихъ ударовъ. Провокація работала на пользу его заклятыхъ враговъ, на поддержку царскаго правительства и негоднаго государственнаго строя.

Отъ провокаціи страдали не только отдѣльные революціонные дѣятели, но и цѣлыя партійныя организаціи. Предательство Азефа подъ корень подкосило организацію партіи соціалистовъ-революціонеровъ, какъ дегаевщина еще раньше губила партію „Народной Воли". Зубатовщина погубила сотни людей и десятки кружковъ. Малиновскіе, какъ піявки, впивались въ тѣло соціалъ-демократическихъ организацій, сосали

изъ нихъ кровь, и на немощномъ тѣлѣ выростали уродливые наросты въ видѣ легкомысленной тактики большевиковъ.

Но самое послѣднее уродство, порожденное въ русской общественной жизни провокаціей,—кажется ужаснѣй всего. Это—уродство послѣднихъ мѣсяцевъ, уродство—нашихъ дней, когда уже нѣтъ царской полиціи и царскихъ жандармовъ, кормившихъ когда-то провокаторовъ.

У кого-же теперь по службѣ оказалась провокація? Надъ чьимъ разложеніемъ она старается и что она уродуетъ?

На этотъ разъ добычей предателей дѣлается не какая-либо отдѣльная политическая партія, не отдѣльная организація, а воля и настроеніе всей нашей страны, обороняющейся отъ нашествія нѣмцевъ. На этотъ разъ не полиція, не охранка вдохновляетъ и прикармливаетъ провокацію, а тѣ нѣмцы, для которыхъ страшна единая сильная русская армія, страшна единая сильная воля народа русскаго. Нѣмцамъ страшна Россія, могучая сознаніемъ своего единства, имъ страшно національное единеніе. Наоборотъ, все, что разъединяетъ и подтачиваетъ сплоченность, все—на пользу нѣмцамъ. Они это хорошо поняли и принялись усердно вызывать и поощрять въ Россіи внутреню рознь и гражданскую вражду. Какимъ-же способомъ?

Для этого нѣмцы стали насаждать и поддерживать въ Россіи крайнія политическія заблужденія большевиковъ, интернаціоналистовъ и сепаратистовъ. Заблужденія эти — на руку Германіи, такъ какъ являлись сильнымъ ядомъ для внутренняго разложенія въ странѣ. Поведеніе большевиковъ и интернаціалистовъ, ихъ призывы къ классовой враждѣ быстро расшатывали единство націи, единство фронта и способность арміи стойко и дружно отбивать общаго внѣшняго врага. Такое расшатываніе національнаго единенія въ Россіи прямо выгодно Германіи. Недаромъ Ленинъ и его товарищи были привезены нѣмцами въ Россію изъ-за границы въ особомъ поѣздѣ. Своею устной и газетной проповѣдью они сбили съ толку множество темныхъ солдатъ и рабочихъ. Своими бреднями объ углубленіи революціи, о диктатурѣ пролетаріата и о братаніи на фронтѣ съ врагами они притупляли у русскихъ гражданъ чувство родины. Кое-кто изъ большевиковъ были настоящими подосланными агентами германскаго правительства, а большая-то часть ихъ была невольными орудіями Германіи, даровыми, но драгоцѣнными ея помощниками. По неразумію своему они въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ усердно лили воду на мельницу враговъ родины, ослабляя въ русской арміи воинскую дисциплину и поселяя, передъ

лицомъ общаго врага, рознь между солдатами и офицерами, между рабочими и хозяевами, разжигая взаимную ненависть классовъ и группъ населенія. А это самое и было нужно нѣмцамъ, ибо и фронтъ и тылъ въ Россіи тратилъ свои силы на внутреннюю склоку и позабывалъ объ оборонѣ страны.

— „Война нужна не народу, а однимъ лишь капиталистамъ и буржуямъ. Война нужна не народу, а угнетателямъ народа,—домой войну! да здравствуетъ братанье на фронтѣ! да здравствуетъ миръ!"—Вотъ что кричали интернаціоналисты и большевики.

Слушало эти выкрики германское правительство и потирало себѣ руки отъ удовольствія. Ибо выкрики эти ослабляли русскую армію, растравляли раны народныя, разжигали страсти и распаляли внутреннее озлобленіе,—а о внѣшнемъ врагѣ забывалось. Армія освобожденной Россіи оказывалась хуже, чѣмъ была раньше до политическаго переворота. Германія, несмотря на паденіе русскаго царизма, пріобрѣтала перевѣсъ надъ русскими, и въ этомъ ей помогали большевики и интернаціоналисты своей проповѣдью о томъ, что вотъ-вотъ, не нынче — завтра наступитъ международный миръ пролетаріевъ.

Ослаблялась боеспособность арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ падала и промышленность. Уменьшалась производительность труда. Понижалась работа заводовъ и фабрикъ на оборону. Много причинъ этому пониженію. Но одна изъ причинъ—все тѣ же призывы большевиковъ къ неотложной непримиримой борьбѣ рабочихъ съ хозяевами. И эти призывы радовали Германію. Вѣдь, что лучше для нея, какъ не разстройство фабричнозаводской промышленности въ Россіи!

Но это не все. Работа на пользу Германіи происходила еще въ одномъ отношеніи, и вотъ въ чемъ.

Пало царское правительство. Распалась та прежняя власть, которая изъ Петрограда давила все живое въ странѣ и угнетала различныя народности Россіи. Распалась власть, попиравшая грубой силой вольности Финляндіи. Стало быть, теперь же надо Финляндіи воспользоваться моментомъ для отдѣленія отъ Россіи. Далѣе. Свергнуто царское правительство, давившее и заглушавшее духовное развитіе Малороссіи. Стало быть, теперь-же надо Малороссіи обзавестись отдѣльными украинскими министрами, отдѣльной государственной думой-радой, отдѣльными украинскими полками, словомъ, урвать себѣ какъ можно больше самостоятельности. Нечего ждать великаго всенароднаго Учредительнаго Собранія,—время не терпитъ.

Такъ стали кричать крайніе сепаратисты. И начали раздирать отечество на части. Вмѣсто того, что бы сплотиться вокругъ временнаго революціоннаго правительства, сплотиться во имя борьбы со страшнымъ врагомъ, принялись устраивать свои особыя дѣла, торговаться съ правительствомъ и угрожать ему.

Это позорное себялюбіе въ дни общегосударственной опасности провоцировалось и поддерживалось изъ Германіи. На радость ей Россія разслаблялась внутренними національными распрями. Незамѣтно и ловко нѣмцы усиливали національное движеніе въ Малороссіи и Финляндіи, какъ они незамѣтно и ловко поощряли работу большевиковъ и интернаціоналистовъ въ Россіи.

Такъ провокація германскаго правительства изуродовала примѣненіе лучшихъ идей и стремленій.

Что можетъ быть выше стремленія къ всеобщему миру всего міра? Однако, неумѣлыми руками русскихъ интернаціалистовъ стремленіе это отдано на службу германскаго правительства.

Что можетъ быть благороднѣе стремленія къ общественной справедливости, къ освобожденію трудящихся отъ гнета собственниковъ? Но русскіе большевики сдѣлали изъ этого стремленія негодное употребленіе, къ великому вреду для самозащиты отечества и къ выгодѣ Германіи. Что можетъ быть законнѣе желанія каждой народности устраивать свои дѣла самостоятельно? Но финлядскіе и украинскіе патріоты своими неумѣреннымъ поведеніемъ только усилили, къ злой радости Германіи, политическую разруху Россіи.

Кто въ революціонной Россіи содѣйствуетъ разрухѣ, тотъ работаетъ на Германію. Но онъ же работаетъ и на контръ-революцію. Работа большевиковъ надъ ослабленіемъ власти временнаго правительства радуетъ и черносотенцевъ, присмирѣвшихъ въ первые мѣсяцы послѣ переворота. Сторонники стараго режима благословляютъ разрушительную проповѣдь ленинцевъ, а подчасъ и сами не прочь на время обрядиться въ костюмъ рьянаго большевика. Бывшіе охранники и провокаторы послѣ переворота спѣшили пролѣзть въ совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Разные Черномазовы и Деконскіе изображали изъ себя вождей революціонной демократіи. Провокаторы и крайніе лѣвые оказываются сотрудниками. Пока-что ихъ пути и средства общія— захватъ власти у временнаго правительства. У однихъ—безнадежная слѣпота, у другихъ—корыстный разсчетъ, оправдавшійся въ 1905—1906 году на черносотенныхъ погромахъ.

Вотъ почему мы выше сказали, что извращенное примѣненіе лучшихъ идей, продѣланное провокаціей изъ Германіи, это послѣднее уродство—ужаснѣй всего. Даже преступленія прежнихъ провокаторовъ блѣднѣютъ передъ тѣмъ предательствомъ, которое спряталось въ наши дни за болтовней о немедленномъ всеобщемъ мирѣ, о третьемъ интернаціоналѣ, о самоопредѣленіи народностей и всемогуществѣ революціоннаго пролетаріата.

Когда-то партійные товарищи Азефа не сразу и съ трудомъ повѣрили въ его предательство. Ужъ очень чудовищной казалась его измѣна. Умнымъ было трудно признаться въ томъ, что ихъ нѣсколько лѣтъ дурачили. Честнымъ было больно примириться съ мыслью, что въ ихъ средѣ нѣсколько лѣтъ жилъ и сотрудничалъ отъявленный мерзавецъ. Въ провокаторство Малиновскаго долго не вѣрила его партія. Даже тогда, когда онъ, явно заподозрѣнный, принужденъ былъ бѣжать изъ Россіи за-границу и долженъ былъ давать объясненія передъ товарищами, то партійный судъ не сумѣлъ его обличить и оправдалъ его. Такъ слѣпнутъ люди отъ узкой партійной работы. Они перестаютъ видѣть то, что другимъ ясно.

Партійные наглазники мѣшаютъ искреннимъ сторонникамъ большевизма разглядѣть настоящую цѣну ихъ поведенія, вреднаго для отечества. Они мѣшаютъ имъ разглядѣть все уродство большевистскаго движенія, уродство разжиганія внутреннихъ распрей въ странѣ.

7. Участь провокаторовъ.

Въ началѣ этой брошюры мы говорили о Шервудѣ, предавшемъ членовъ „южнаго тайнаго общества“ въ 1825 году. Шервудъ по сравненію съ провокаторами нашего времени—мелкій предатель. Но и онъ жилъ послѣ своего предательства окруженный общимъ презрѣніемъ. Отъ предателя петрашевцевъ Антонелли многіе бѣгали, какъ отъ зачумленнаго.

Трудовой народъ всегда относился съ жалостью къ тѣмъ слабымъ людямъ, которые по малодушію выдавали начальству своихъ товарищей. Но онъ съ безпощаднымъ презрѣніемъ смотрѣлъ и смотритъ на тѣхъ продажныхъ людей, которые за награду или ласковое слово доносятъ на другихъ. „Доносчику—первый кнутъ“, говоритъ старинная русская поговорка.

Еще презрительнѣе отношеніе народа къ наемнымъ полицейскимъ

ищейкамъ, которые подъ кличкой шпіоновъ, сыщиковъ и филеровъ сдѣлали себѣ изъ доносовъ постоянное занятіе, живутъ подглядываніемъ и подслушиваніемъ. Имъ приходится тщательно скрывать свою недостойную профессію.

Но не можетъ быть никакого извиненія тѣмъ предателямъ, которые въ качествѣ провокаторовъ сознательно занимаются предательскимъ дѣломъ. Глубоко безнравственны іудины лобызанія разныхъ дегаевыхъ; этими лобызаніями они торгуютъ сознательно. Не меньше отвращенія внушаетъ торговля зубатовыхъ,—они не ограничиваются розничной продажей предательскихъ поцѣлуевъ, но продаютъ дѣло трудового народа и оптомъ. Столь же отвратительны и подвохи погромныхъ провокаторовъ, о которыхъ мы говорили въ 4-й главѣ. Слова и дѣла провокаторовъ всѣхъ мастей могутъ возбуждать только омерзѣніе; всякій честный человѣкъ отъ нихъ отшатнется подальше.

Тайные соглядатаи и лазутчики всегда боялись показываться открыто на людяхъ. Они обыкновенно даже не являлись на судъ въ качествѣ свидѣтелей, хотя по ихъ-то показаніямъ главнымъ образомъ ио бвинялись политическіе преступники. Они принуждены отъ собственныхъ дѣтей утаивать свой промыселъ; иначе дѣти почувствуютъ запахъ крови отъ каждаго куска хлѣба, добытаго предательствомъ отца. Даже императоръ Николай Павловичъ, хорошо знавшій услуги полицейскихъ агентовъ и шпіоновъ, однажды выразился о нихъ очень презрительно: „Знаю одно, сказалъ онъ, что на полицію тутъ полагаться нельзя, потому что она падка на деньги, а на шпіоновъ еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство.“

Повторяемъ, общее презрѣніе слѣдуетъ за шпіонами и филерами Въ ихъ число попадали больше разные отщепенцы людского общества, пропойцы и уголовные преступники, нравственно потерянные и желавшіе безъ труда получать деньги; попадали иной разъ въ агенты и малодушные изъ революціонеровъ; ихъ жандармы запугивали, а потомъ подкупали; эти доносители начинали съ мелкихъ оговоровъ, а потомъ, разъ вступивши на путь безчестія, не могли остановиться, переходя на явные доносы и ложь. Провокаторы же, какъ мы говорили,—худшіе изъ агентовъ, и на провокацію рѣшались люди, наиболѣе потерявшіе стыдъ.

Людей съ такими качествами можно уподобить тѣмъ обманщикамъ, которые въ прежнее время промышляли дѣтскимъ уродствомъ. Они

брали къ себѣ „на воспитаніе“ безпріютныхъ малолѣтнихъ сиротъ или просто крали дѣтей на улицахъ. Этихъ дѣтей они умышленно уродовали, коверкали имъ голову, вывертывали руки и ноги, обрѣзали пальцы, ослѣпляли, а потомъ съ несчастными калѣками отправлялись по ярмаркамъ и базарамъ, по городамъ, селамъ и монастырямъ. Негодяи, увѣчившіе дѣтское тѣло, надругавшіеся надъ человѣческимъ горемъ, прикидывались сердобольными поводырями калѣкъ и ихъ именемъ собирали въ свои карманы не мало народныхъ денегъ. Они причиняли своимъ жертвамъ увѣчья и страданія, и сами же потомъ наживались безсовѣстно на человѣческомъ несчастіи. Также поступали и провокаторы: обманомъ и лицемѣріемъ они втирались въ тайныя общества, комитеты и организаціи, выпытывали у довѣрчивыхъ членовъ необходимыя имъ свѣдѣнія, выманивали вещественныя доказательства, и потомъ безъ жалости предавали людей, съ равнодушіемъ обрекая ихъ на тюрьмы, ссылку, висѣлицу и разстрѣлъ. Ужасные слуги негоднаго политическаго строя!

Вся суть провокаціи состоитъ въ лукавствѣ и измѣнѣ. Не слѣдуетъ, поэтому, удивляться, что провокаторы иной разъ дурачили не революціонеровъ, а самихъ жандармовъ. Само правительство, нанимавшее предателей, иногда дѣлалось жертвой провокаторскихъ продѣлокъ и подделокъ. Мы видѣли выше, какъ извѣстный провокаторъ Дегаевъ былъ обласканъ и развращенъ жандармскимъ подполковникомъ Судейкинымъ. Долго и усердно Дегаевъ служилъ Судейкину. Дружески они вмѣстѣ обсуждали подкопы и набѣги на революціонеровъ. А кончилась эта дружба очень печально для подполковника: въ декабрѣ 1883 г. Дегаевъ помогъ революціонерамъ убить друга Судейкина! Удалый жандармъ на собственной груди согрѣлъ змѣю на свою погибель. И этому нечего удивляться,—въ мірѣ мерзостей и запустѣнія такіе случаи неизбѣжно должны происходить.

Азефъ, какъ было сказано, не все доносилъ полиціи о соціалъ-революціонной партіи, что зналъ; не доносилъ о нѣкоторыхъ готовившихся покушеніяхъ, и иногда эти покушенія удавались. Азефъ, такимъ образомъ, обманывалъ не только партію, но и полицію.

Извѣстно, что въ 1911 году министръ-предсѣдатель Столыпинъ убитъ въ Кіевѣ ни кѣмъ другимъ, какъ провокаторомъ Богровымъ.

Двойное предательство отличало не только такихъ крупныхъ провокаторовъ, какъ Дегаевъ или Азефъ. Оно обычно и у мелкихъ. Приведемъ 2—3 примѣра.

Въ 1906 году одинъ провокаторъ, чтобы отличиться и получить награду, продѣлалъ такую штуку: онъ на дачѣ у бывшаго оберъ-прокурора святѣйшаго синода Побѣдоносцева, въ Сергіевской пустыни, подъ столъ въ его кабинетѣ, положилъ бомбу, а потомъ самъ-же ее открылъ и донесъ полиціи. За „раскрытіе" готовившагося покушенія онъ получилъ 200 руб. поощренія. Все было бы шито да крыто, но на бѣду другой провокаторъ очень позавидовалъ ему и захотѣлъ тоже получить премію. Онъ также досталъ бомбу, положилъ ее на крыльцѣ дачи Побѣдоносцева и потомъ „открылъ" ее. Къ его несчастью, ужъ очень была наглядна для всѣхъ поддѣлка покушенія, и зарвавшійся агентъ, вмѣсто ожидаемой награды, получилъ отъ полиціи расчетъ,—переборщилъ, какъ говорится. Лѣтъ десять назадъ въ Лодзи пострадалъ отъ бомбы нѣкто Клобовскій. Раненый, онъ сознался, что бомба, которая найдена была нѣсколько дней назадъ въ кофейнѣ, изготовлена и подложена имъ съ цѣлью получить вознагражденіе отъ полиціи. Подобныя происшествія случались не рѣдко.

Постыдна дѣятельность провокаторовъ. Позорна ихъ судьба. Безчестенъ тотъ политическій строй, при которомъ достигла такого безстыдства провокація.

Старый строй еще живетъ въ нравахъ и въ мысляхъ. Мы видѣли, какъ разнообразны были формы провокаціи при старомъ режимѣ. Будемъ остерегаться ея и въ новомъ строѣ.

Въ новой свободной Россіи не должно быть ей мѣста. Честность власти должна быть основнымъ правиломъ республиканской Россіи. Горе республикѣ, если ея представители станутъ прибѣгать къ старымъ пріемамъ управленія страной и въ томъ числѣ къ провокаторству. Горе всякой политической партіи, если ея вліяніе покоится на темнотѣ народныхъ массъ, на провоцированіи народныхъ волненій, на разжиганіи страстей, на подстрекательствѣ и подогрѣваніи грубыхъ страстей. Независимость мысли, честность въ словѣ и на дѣлѣ должны быть обязательны для всѣхъ политическихъ борцовъ и работниковъ. Эта независимость и честность обязательны, — иначе цѣлыя партійныя организаціи могутъ оказаться въ плѣну у тѣхъ, кто стремится къ возстановленію старыхъ порядковъ.

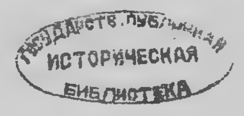
Исчезли изъ Россіи Азефъ и Малиновскій,—ихъ нѣтъ. Но не исчезла та слѣпота и тупость политикановъ, которая возводила проходимцевъ на степень партійныхъ вождей.

Покончилъ самоубійствомъ знаменитый московскій провокаторъ Зубатовъ,—въ мартѣ 1917 года. Скрылись съ глазъ вдохновители погромовъ, происходившихъ въ 1905 и 1906 годахъ по подстрекательству „истинно-русскихъ“ людей. Не видно нынче вчерашнихъ агентовъ полицейскихъ охранокъ и застѣнковъ. Зато съ усердіемъ кто-то сѣетъ среди темныхъ рабочихъ звѣриную вражду къ хозяевамъ, среди солдатъ—слѣпую ненависть къ офицерству.

Это натравливаніе науськивается выкриками о пролетарскомъ мирѣ, о міровой соціальной революціи и прикрывается заботами о благѣ бѣдняковъ. Но, вѣдь, и Зубатовъ сулилъ московскимъ рабочимъ великія выгоды; и погромныхъ дѣлъ мастера рядились нерѣдко въ сусальные защитники истинныхъ народныхъ нуждъ.

Изъ-за спины большевистскихъ кликушъ злорадно выглядываютъ германскіе шпіоны, зубатовы и черносотенцы. На призывы къ классовой враждѣ слетаются птенцы изъ гнѣзда Азефа и Романа Малиновскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книги того же автора:

„Инспекція народныхъ училищъ. *Русское общество и учебное вѣдомство въ школьномъ дѣлѣ*". Ц. 40 коп.

„Народная жизнь и школа". *Выпускъ I.* Сборникъ статей по вопросамъ преподаванія. Преподаваніе исторіи въ начальной школѣ (двѣ статьи). Локализація учебнаго матеріала въ школѣ. Цифровый матеріалъ на урокахъ географіи. Учебное значеніе діаграммъ. Вопросъ обученія исторіи въ Англіи (перев.). Изъ опыта преподаванія исторіи въ Бельгіи и Франціи (ст. А. С. Буткевича). Примѣрное распредѣленіе бесѣдъ по исторіи въ 4-лѣтней школѣ. Изд. 2-е. Ц. выпуска 40 к.

„Народная жизнь и школа". *Выпускъ II.* Сборникъ статей. Прочность школьныхъ знаній. Жизненность школьныхъ знаній. Оживленіе школьнаго дѣла и учительскіе курсы. Оживленіе школьнаго дѣла и его организація въ уѣздѣ. Экзамены въ начальной школѣ. Ц. выпуска 30 коп.

„Исторія въ народной школѣ". Изъ „Библіотеки народнаго учителя". Ц. 20 к.

„Вѣка и трудъ людей". (Е. Звягинцевъ и А. Бернашевскій). Книга для чтенія въ народной школѣ по исторіи и географіи. 170 рис., 15 діаграммъ и 2 карты. Третье изданіе. Ц. 1 р. 50 к.

„Вѣка и люди". Книга для чтенія въ четвертомъ отдѣленіи начальной школы. Рисунки и діаграммы. 2-е изд. Ц. 1 руб.

„Діаграммы, ихъ значеніе для школъ и популяризаціи". Ц. 10 к.

„Живой счетъ". Иллюстрированный ариѳметическій задачникъ для сельскихъ школъ под. ред. Е. Звягинцева. Изд. 4-е. Часть I, цѣна 20 к. Часть II—25 к. Часть III—40 к.

„Живой счетъ въ городской школѣ". Иллюстрированный ариѳметическій задачникъ для городскихъ начальныхъ школъ. Выпускъ I, цѣна 15 к. Выпускъ II—20 к. Выпускъ III—25 к.

„Что такое мелкая земская единица или волостное земство". 3-е изд. Цѣна 25 коп.

„Новый законъ о выборахъ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ". 16 стр. Цѣна 20 к.

„Полвѣка земской дѣятельности по народному образованію" 88 стр. съ рисунками.

„Кому и зачѣмъ нужны народные дома"? Съ рис. 46 стр.

Цѣна 50 коп.

К-во „ЗАДРУГА."

Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. 9.

Петроградъ, Гончарная, 24.

